

Две печальные и знаменательные даты мы будем вспоминать в этом году. Тридцать лет назад, в декабре 1979 года на территорию Афганистана, для оказания помощи тогдашнему революционному правительству этой страны, был введён “ограниченный контингент” советских войск. Началась “Афганская война”, которая закончилась двадцать лет назад — в феврале 1989 года, когда последние подразделения советских войск вернулись в СССР. Афганская война была вызвана сложными и глубокими политическими причинами противостояния СССР и США, всемирной борьбы за раздел сфер влияния между великими державами мира. Но сейчас, вспоминая те не очень давние события, мы, прежде всего, думаем не о политических ухищрениях “большой игры”, а о судьбах простых советских парней, сложивших свои головы в горных долинах, пустынях и ущельях Афганистана. Они честно исполнили свой долг, свою священную работу — “Родину защищать”. Они защищали нашу Родину, нашу Россию, и не их вина, что враг не был побеждён тогда, что этот враг после, в девяностые годы, пришёл уже на территорию самой России и Чеченская война косвенно явилась следствием Афганской. Мы сейчас, оглядываясь назад, вспоминая это действительно последнее поколение советских солдат, видим, что это были необычные люди. Воспитанные в духе интернационализма, товарищеской взаимовыручки, советского патриотизма, они сейчас нам представляются истинными “атлантами”, героями, погибшими в неравной борьбе. Вечная им память! — Последним из СССР...

АЛЬБЕРТ УСТИНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ СССР

Повесть об “атлантах”

Много лет работая над выпуском Книги памяти солдат, сержантов и офицеров подразделений специального назначения, погибших в Афганистане в 1980–1988 годах, собирая и как бы воскрешая из небытия портреты-характеристики, склеивая их из сохранившихся биографических документальных свидетельств, писем, воспоминаний родственников, друзей и сослуживцев, из фотоснимков, стихов и песен, я остро ощутил какую-то недосказанность всего того, что написано об этих людях, почувствовал, что “воскресшие” всем своим молодцеватым десантным строем, ясными взорами и, без преувеличе-

УСТИНОВ Альберт Александрович родился в 1932 году в селе Осьмерыжск Качирского района Павлодарской области Казахстана. Окончил в 1955 году филологический факультет Казахского государственного университета. В 1968 году окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат филологических наук. Был на партийной работе, занимался журналистикой. Автор повестей, романа, книг публицистики. Член Союза писателей России с 1972 года. Сейчас на пенсии. Живёт в городе Королёве Московской области

ния, золотым блеском душ “не довольствуются” ритуально-траурной ролью очерков-эпитафий, посвящённых им. Они, остановленные на границе эпохи, которая назовётся “перестройкой”, в отличие от своих сверстников, ушедших в новые времена и живущих сегодня совсем другой жизнью, являют собой некий феномен чистого продукта эпохи. Эти россыпи – “душ золотые россыпи” – это оборванные на взлёте молодые жизни последних “атлантов”, последнего поколения, сформированного советской “Атлантидой”.

С тех пор со всеми нами, со страной, с миром произошли разительные перемены, в которых Афганская война (официально это называлось: “Введение в Афганистан ограниченного контингента советских войск”) была пусть и не главным событием эпохи тем не менее именно момент её окончания, ознаменованный снимком последнего бронетранспортёра, возвращающегося “из-за речки” по мосту с радостными солдатами и развевающимся красным флагом, стал неким символом границы времён.

Возвращающиеся на броню солдаты въехали уже в другую страну, не в ту, которая их направляла исполнять “интернациональный долг”. Им ещё предстояло пройти шок “афганского синдрома” и курс “шоковой терапии”, в результате чего они стали другими, не теми “воинами-интернационалистами”. А их сверстники, оставшиеся “за речкой” вечно молодыми (вернее, возвратившиеся в свой Союз раньше – в “чёрных тюльпанах”), застыли перед вечностью как обелиски нашей памяти и боли.

Мы их уважительно пакуем в мраморно-гранитные надгробия, экспонируем за стёклами музейных витрин, тиражируем на страницах Книг памяти, но остаётся что-то недоговорённое, недоосмысленное, недочувствованное, недолюбленное... Из-под глянцево-холодных граней памятников, сквозь равнодушную прозрачность музейного стекла глядят на нас изумительной искренности глаза советских мальчиков и словно укоряют в чём-то. Трудно принять этот укор, но и не менее трудно избавиться от него. Ведь эти мальчики – детство и юность нашего поколения. Большинство взрослого, социально и духовно активного населения сегодняшней России и стран СНГ – оттуда родом, из той “Атлантиды”. Нам ли их забыть?

Они не задают вопросы. Это мы, вглядываясь в родные лица оставшихся в вечности друзей, вдруг с беспокойством безвозвратной утраты, с ощущением, словно по нашей вине совершённого предательства, начинаем остро чувствовать прошедшие в нас болезненные изменения и ощущаем себя виноватыми перед ними, перед их незамутнённой праведностью.

Но вот я прохожу по “плацу” Книги памяти, где собраны образы “атлантов”. Выстроены по годам гибели и географии захоронений. Иных отличий теперь у них нет – что рядовой, что подполковник, что девятнадцатилетний мальчик, что озабоченный отец семейства. И у нас, работающих над страницами Книги памяти, возникает дерзновенный, по сути, но необходимый вопрос: как воскресить человека для памяти? Имя, даты прибытия (в этот мир) и убытия (в мир иной), факты биографии, документы, награды, звания – это не более чем регистрационные отметки в актах гражданского состояния. Они уже запечатлены по ходу судьбы живого человека, и их повторение ничего не прибавляет ни облику, ни памяти. Нужны какие-то другие искры.

Начинается “воскрешение”, когда эти искры вдруг вспыхивают в самых неожиданных местах: в просьбе прислать семена белорусских цветов (вдруг да приживутся в Афганистане!), в жалости к афганскому крестьянину, пашущему землю деревянной сохой, в нежном поглаживании ладонью встреченного в далёком краю “земляка” – тепловоз родного Коломенского завода, в нескрываемой мальчишеской бравате перед родителями в конце письма: “Ваш сын Витя, ВДВ”, в “святой неправде” о “курортной” службе в “Монголии”, где на каждом шагу апельсины и персики (охраняемые от волнения родители с холодом в груди догадуются, что в Монголии апельсины не растут, что сын служит в опасном Афганистане), в тысячах тому подобных движениях души. И каждая такая “искорка” выхватывает из тьмы живой образ живого человека.

Начнём рисовать портрет поколения с самого громкого, страшного, трагического, запутанного и героического эпизода этой войны, такого же неоднозначного, как и вся она.

По названию места сражения именуются в истории Грюнвальдская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская битвы и множество других. Афганская война, рассыпанная на мелкие операции, не имела таких масштабных сраже-

ний. Но и она оставила звучные имена, болью отзывающиеся у всех “афганцев”: Саланг, Паджшер, Маравар...

Мараварское ущелье в провинции Кунар стало местом гибели 33 спецназовцев 23 апреля 1985 года. Об этом бое, лучше его назвать побоищем, много осталось слухов, противоречивых воспоминаний.

Что в нем такого особенного? Количество жертв бывало и больше. Обстоятельства – типичные: обманном путем моджахеды заманили дозорную группу разведчиков в глубь ущелья, отрезали от основных наших войск, окружили во много раз превосходящими силами и уничтожили. Такова канва событий. Но по этой канве идут замысловатые узоры. Во-первых, посланные на выручку подразделения столкнулись с очень крупной и хорошо вооруженной бандой, и было не понятно, почему так долго идет бой с отрезанной ротой, которую противник должен был давно уничтожить. Все наши на “большой земле”, безуспешно прорываясь к окруженным, потрясенно понимали, что обреченные на поражение “мараварцы” сражаются героически, до последнего патрона, до последней гранаты. Вот это – первая объективная неоспоримая особенность мараварского боя. Вторая “объективная” особенность предстала перед глазами тех, кто наконец-то, разгромив банду, прорвались туда, где шел бой. Так вот, застывшая мертвая картина прошедшего боя запечатлела еще один неоспоримый факт героизма “мараварцев”: словно подтверждая бытующую среди спецназовцев прибаутку, что просто десантник справляется с тремя, а десантник-спецназовец – с шестью. Трупы погибших наших разведчиков были окружены бесчисленными трупами “духов”. Только вокруг лейтенанта Н. Кузнецова валялось около двух десятков. Вокруг семи солдат отделения сержанта Ю. Гавраша, взорвавших себя противопехотной миной, было 33 трупа “черных аистов”. Замполит роты Игорь Семенов подсчитал, что из всех погибших в этом бою 17 человек подорвали себя в последнюю минуту от безысходности положения.

Они почти рядом, эти кишлаки, где произошла трагедия, – Маравар, Санчам, Даридам и Чинау, которые и должна была “зачистить” рота. Группа лейтенанта Н. Кузнецова, пройдя без проблем первый из них – Маравар, – обнаружила двух душманов и стала преследовать их вплоть до Чинау. А когда рота вошла в кишлак Санчам, тут-то все и началось. Это была ловушка. Командир роты капитан М. Цебрук, видя, что группа Н. Кузнецова окружена, поднял роту ему на помощь.

Об этом газета “Известия” в 1986 году в очерке “Я вас прикрою” писала так: “Поняв, что лейтенант Кузнецов попал в окружение, Цебрук поднял свою роту. Но каждый шаг давался тяжело: к душманам подошло подкрепление. Капитан слышал, как отстреливался Кузнецов. Неожиданно наступила тишина...

– Вперед! – поднялся в полный рост Цебрук и вступил в рукопашный бой. Теперь он увидел Кузнецова. – Держись! Я вижу...

Но Кузнецов ничего не слышал. Он видел только налитые кровью злые глаза душманов. Когда бандиты подошли ближе, он выдернул чеку и бросил гранату себе под ноги. Те, кто остался в живых, бросились наутек. – Врешь, не уйдешь! – хрипел Цебрук, орудя прикладом. И тут снова ударил пулемет. Капитан пошатнулся, но, прежде чем упасть в пыльную траву, швырнул через дувал гранату...”.

Двадцатидвухлетний паренек из Моршанского района Тамбовской области, окончивший суворовское училище и Ленинградское ВОКУ, недавно надевший лейтенантские погоны и ставший командиром группы специального назначения, Николай Кузнецов, тезка знаменитого советского разведчика, принял и провел первый и последний бой в своей жизни так безупречно уверенно, как не каждый опытный командир смог бы. Действуя в безнадежных условиях, организовал круговую оборону. Успел оттащить за скалу первого раненого – прапорщика Бахмутова, героически подорвал себя последней, шестой, гранатой вместе с бросившимися на него душманами. Ни у кого не возникло сомнений в справедливости посмертного присвоения ему звания Героя Советского Союза.

А вот другой эпизод этого боя стал предметом споров, пересудов, до сих пор не нашедших четкого, достоверного описания.

Для начала процитируем сухое воинское донесение:

“Во время ведения разведывательно-поисковых действий в Мараварском ущелье, кишлак Сангам провинции Кунар, 23 апреля 1985 года группа лейтенанта Кузнецова Н. А. была отрезана. Отделение, которым командовал млад-

ший сержант Гавраш Юрий Чеславович, прикрывало отход своих боевых товарищей. Окруженные мятежниками, разведчики отстреливались до последнего патрона, а когда в дувал ворвались душманы, воины подорвались миной ОЗМ-72. Смертью храбрых погибли:

младший сержант Гавраш Юрий Чеславович,
рядовой Музыка Василий Николаевич,
ефрейтор Вакулюк Александр Сергеевич,
рядовой Мустафин Наиль Маратович,
рядовой Бойчук Владимир Васильевич,
ефрейтор Марченко Вячеслав Валентинович,
младший сержант Кухарчук Василий Федорович.

Во время боя разведчиками отделения младшего сержанта Гавраша было уничтожено более тридцати мятежников...”

В донесении ничего не сказано про надпись на стене дувала, нацарапанную по сухой глине: “Передайте на Родину. Погибаем как герои”. Конечно, факт коллективного решения подорвать себя вместе с противником будоражит воображение. Разговоры об этом обрастают противоречивыми “подробностями”, превращая быль в легенду. Писатель Петр Ткаченко, долго и тщательно изучавший всё, связанное с этим боем, и написавший повесть “Слово о Мараварской роте”, несколько усомнился в правдивости надписи и коллективном решении подорвать себя.

“Для меня до сих пор остается тайной, психологической загадкой, – пишет он, – как семь человек в какие-то, может быть, секунды могут договориться на одновременную добровольную гибель. Люди ведь умирают так же, как и рождаются – в одиночку. И иной порядок противоестествен их природе... С этой тайной не справится наше бедное сознание...”

Но в том-то и дело, что это были не совсем обычные люди. Их нельзя мерить мерками среднего обывателя. Это были ребята, выросшие в СССР. Воспитывавшиеся на примерах героизма всей советской истории. Для них поставить в один ряд слова “родина” и “герой” не было чем-то надуманным и помпезным. Это было их естество.

Конечно, писатель, разгадывающий “психологическую тайну” коллективного подвига, имеет право на свое “не верю”. Тем более что ссылается на некую виденную им рукописную “методичку” политотдела, где ради “воспитания патриотизма” эта надпись уже подавалась по-кабинетному сухо, как пример официального героизма.

Возможно, кто-то желаемое выдал за действительное. Но психологическое “верю” в таком случае уместно. Тем более что свидетельства оставшихся в живых участников боя подтверждают такую догадку.

Андрей Дорогин: “...этих ребят не видел павшими, как не видел и надписи на дувале, про которую тоже говорили. Быть может, надпись была несколько другой, сейчас не помню, но слово “Родина” и “погибаем”, судя по тем разговорам, которые ходили, там были. От какой мины погибли? ОЗМ-72, выпрыгивающая из грунта. Перед выходом в Сангам было отдано распоряжение приготовить эти мины в качестве гранат. Делалось это очень просто – отстреливался стакан, в котором находится боевой заряд и начинка из “роликов” – осколков. Вкручивался обычный детонатор – и граната большой мощности готова. Использоваться она должна была при штурме дувалов. Ее перебрасывали через стенку, и там она взрывалась. На поле, на открытом месте ее не применить – она весит порядка четырех килограммов. Наверное, этот шаг, на который пошли ребята, сознательный...”

И это был их первый бой.

Юрий Филиппович: “В пять тридцать утра завязался бой, и ротный подал команду отходить группам Кузнецова и Котенко, а нам, Кистеню и Тарану, прикрывать отход.

Отделение сержанта Гавраша отстреливалось за дувалом, а потом подорвали себя сами. Мы с Кистенем, как могли, отсекали “духов” от ребят, а они шли в полный рост. Как потом говорили, это были “черные аисты”. Потом нас тоже начали обходить, и мы стали откатываться. Поняли, что если не отойдем, то и ребят не спасем, и сами поляжем. При отходе нашей группы погиб Володя Некрасов – пулеметчик. В это время прорвалась одна боевая машина с Семеновым, и только благодаря ей мы смогли выйти”.

Как видим, рассказы очевидцев лишены “психоанализа”.

В разведке главное – увидеть противника, не дав ему возможности обнаружить себя. Или, если уж придется столкнуться в бою, – иметь пути отхода. И уж совсем беда – если ты не видишь врага, а он давно за тобой наблюдает и ведет в ловушку. Сейчас был этот самый жуткий вариант. Не знали разведчики, что среди тех камней, меж которыми они совсем недавно ползли к этому дувалу, уже мелькают душманские чалмы.

Удар в спину. Удар сбоку. Припертые к стене. Буквально.

Упав на землю и ответив автоматными очередями во все стороны, разведчики мгновенно осознали ужас безысходности. Такой черной безысходности, что издевательский огонь “духов” не на поражение, а в податливую глину дувала, означавший: “сдавайтесь, убивать не будем”, что вроде бы подсказывало выход к продолжению жизни, только усиливал мороз черной бездны, на краю которой все они ощутили себя, такой мороз, от которого смерзлись зубы и неизвестно как, неизвестно кто прошептал: “последней гранатой”, и у каждого в мозгу пронеслось: “последней гранатой”...

Мысль о “последней гранате” страшна сама по себе. Каждый вправе сказать “Не верю!” тому, кто будет легковерно рассуждать о героических парнях, подрывающих себя в окружении врагов “последней гранатой”. В этом нет никакой бравады или позы. У всех есть инстинкт самосохранения. И преодолеть его дано не каждому. Есть только одна моральная сила, способная подняться над ним, – Священный Долг. В отличие от инстинкта, он не рождается вместе с человеком, а вырастает в процессе созревания в нем истинно человеческих качеств, отличающих его от животного: любви, достоинства, чести, гордости, знаний, высокого морального духа – всего того, что человек получает с воспитанием. Поэтому-то Священный Долг и сильнее Страхса Смерти.

Да, социологический “срез” поколения, который произвела Афганская война, уникален ещё и тем, что он, как срез спиленного дерева, не только даёт возможность прочитать по концентрическим кругам какие-то содержательные характеристики, но и наглядно являет миру трагический символ “распиленного” надвое единого организма. Да, оставшиеся “вершки” ещё живут, ещё цветут и производят потомство, а “корешки” в святой уверенности в благородстве своей миссии посылают вверх так необходимые организму жизненные почвенные соки, и эти соки недоумёнными прозрачными слезами сверкают на свежем спиле теми самыми “искрами”...

* * *

В вестибюле Минского педагогического института им. Горького висит стенд, посвященный бывшему студенту, прочувшему здесь всего один первый курс, прожившему на свете всего девятнадцать лет, но так ярко блеснувшему в свой короткий жизненный миг, что в душах новых поколений будущих педагогов он оставляет свет, не меньший, чем от сияния Великих учительских имен. Этот стенд, вобравший скупые факты жизненного пути и “собрание сочинений” из писем и дневниковых записей Сергея Ищенко, по праву служит первым уроком для переступающих порог педагогического вуза.

“Настоящая жизнь – это значит любить жизнь, жить каждой отведенной тебе минутой, с нетерпением ждать, торопить, приближать и радоваться каждой новой минуте. Это значит смеяться, когда смешно, или просто когда очень хорошо и хочется смеяться. Это значит гнать прочь любую ложь и фальшь. Это значит плакать, когда тошно, или когда другому очень больно. Это значит радоваться луне, прелести серебристой ночи, радоваться чужой радости. Это значит жить своими чувствами, но со всеми вместе и любить всех”.

Их еще много – таких его мыслей. Он не выучился на учителя, но уже стал Учителем. О том, как западают эти сентенции “философа в осьмнадцать лет” в души его последующих сверстников (ведь он остался навечно сверстником каждому первокурснику), говорят многочисленные отклики. “Не называйцы его Сяргеем! – закликает на страницах вузовской многотиражки студентка Н. Терещенко. – Ен был I есць Сярожа. Сярожа. Сярожачка!” От него, давно побитого, исходит какая-то незримая энергия человеколюбия, которая вызывает теплые, почти религиозные чувства у всех, кто знакомится с его личностью, с его малыми следами, оставленными им на Земле.

Марьины Горка, Афганские горы... “Сидим на горке”, “Соберемся с друзьями на горке” – частое упоминание “горы” в его письмах оттуда... Мама Сергея, Надежда Николаевна, рассказывает: “Когда Сереже было 10 лет, мы с ним пошли первый раз в турпоход на Кавказе. Потом это повторяли каждый год до 1983 г. Горы, походную жизнь он боготворил. А потом стал писать, что горы детства помогают ему приспособиться к новым горам”.

Так как же он “вёл себя к своей вершине”?

“...Я сейчас со страхом думаю, что было бы, не попади я в армию. Сессия, “передовые” люди и разговоры о будущем. Театры, походы и обязательно любовь, и сентиментально-восторженные письма: “красные листья на белых статуях в чугунных скверах”. Я был бы инициативен и счастлив с претензией на избранность и гениальность. Я никогда не разочаровался бы в себе и таким бы остался для вас – оптимистически восхищенным. ...Нет, это не моя сторона кубика. У каждого есть своя сторона, свои грани и вершины. Залезть, конечно, можно и на чужую – вершина останется вершиной, – и у покорителя будет слава, может, будет и счастье, но не то... Я – прост, как материя. Все права подразумевают обязанности, у меня они слились воедино. Основное мое право и главная обязанность – стать тем, кем хочу. Но не ради себя – для других. Эта задача на два года – они не пройдут без следа. Меня прежнего уже больше не будет – высушу на солнышке, перемешаю с пылью и пушу по ветру”.

Истинное человеческое достоинство как раз и заключается в таком саморазвитии, самоотрицании себя прежнего, потому что “все течет, все изменяется”. Это грань, это вершина сильной личности, каковой уже становился Сергей Ищенко. И уже осознавал это. И никогда не вернулся бы “зверем затравленным”. Только героем! Если бы вернулся...

Более тринадцати тысяч срезанных Афганской войной молодых жизней остались “корешками” того последнего “дореволюционного” поколения, которое своими “вершками” стало и первым рыночным. В своей раздвоенности, роковой половинчатости поколения “афганцев” остро чувствуется боль “распила”, как чувствует инвалид боль в ампутированных ногах.

* * *

Не мальчики, но мужи продолжают жизнь этого поколения. На его долю досталась судьба похуже, пожалуй, всех поколений, которым приходилось проходить через войну. Имена их прадедов доносились до них гулом Гражданской войны с её тачанками, “максимами”, звоном клинков, “револьверным лаем”. Трагизм ожесточённой ярости брата против брата ко времени их рождения уже сменился грустным лиризмом найденной в шкафу буденовки, песен о пробитом комсомольском сердце, о колоске русского поля, о комиссарах в пыльных шлемах.

А деды их, прошедшие самую кровопролитную Великую Отечественную, трагически и не воспринимались. В блеске орденов и медалей “наши деды – славные победы!”. Героическим ореолом окружено и имя каждого павшего на этой войне. Ореолом защитника Родины, павшего в боях с иноземным захватчиком.

Жертвами чего пали мальчики “афганского” поколения? Во имя чего были отданы их молодые жизни? Вот вопрос, который оглошил (употребим такой неблагозвучный глагол) вернувшихся оттуда на броне радостных, оставшихся в живых “афганцев”. Ни в Гражданскую, ни в Отечественную такой вопрос не мог возникнуть ни в одном, даже извращенном уме. Оглошенный “афганец” встретился с пустым идеологизированным взглядом чиновника:

– А я тебя туда не посылал!

Страна переключила клеммы, поменяла плюсы на минусы. Тот главный враг, стоявший в Афганистане за спиной моджахедов, подсовывающий им в руки “стингеры”, чтобы сбивать наши вертолёты, вдруг оказался “лучшим другом” ельцинского чиновника. Что оставалось “афганцу”? В день ВДВ рвать на себе тельняшку, наяривая на гитаре: “Афган, твою мать! Кандагар, твою мать! Нангархар, твою мать! И Кабул, твою мать!”

Опалённая и пропылённая Афганистаном душа живого “атланта” металась между отчаянием ожесточения, безразличием примирения с действительнос-

тью и пронзительной памятью о чистых и светлых глазах ушедших в небытие друзей вместе с “Атлантидой”. Ведь там, в их глазах, осталась чистота и незамутненность собственных душ тех, кто продолжает жить. Сегодняшний “афганец” вместе с тем чиновником тоже считает, что напрасно его туда посылали. Возможно, были какие-то другие ходы политической истории, да недостало государственной мудрости. Так что поэтому мальчики погибли зря? Ну, нет! Как только доходит до подобного умозаключения, в современном “афганце” восстаёт весь его прежний дух, подкреплённый молчаливым согласием застывшего строя друзей-“атлантов”.

Давайте не забывать, что у нас всегда в почёте была и остаётся, несмотря на попытки её принизить, воинская, офицерская профессия “родину защищать”. И истинно российские носители этой профессии никогда не опускаются до марзма “деидеологизации” патриотизма. Таким был, например, “афганец” и “чеченец” Николай Саинович Майданов. Его отец, Саин Саингалиевич Майданов, казах по национальности, шоферил по дорогам Советского Союза, нашел жену украинку, у которой в роду были и немцы, и поляки. Родились у Майдановых две девочки и четыре мальчика. “Интернационал!” – смеялся шофер Майданов.

И сын его, вертолетчик Николай Майданов, воистину был членом “интернационала”. Он гордился, что оказывает интернациональную помощь афганскому народу. В точном соответствии с русской поговоркой “Смелого пуля боится...” он прошел через Афган целым и невредимым.

А когда распался Советский Союз и запылал многонациональный Кавказ, уже полковник Николай Майданов отправился туда устанавливать конституционный порядок. Не брали его в Афгане ни душманские ЗГУ, ни американские “стингеры”, ни английские “блоукпайбы”. А зацепила своя отечественная “Игла”, выпущенная бандитской рукой... Но и смерть Героя была героической.

Немного у нас Героев Советского Союза, ставших потом еще и Героями Российской Федерации.

В суждениях об Афганской войне, об “афганцах” нередко беспардонно опрокидываются на прошлое сегодняшние страсти, нынешняя беспардонная скептическая мелочность. Мальчики служили великой стране, присягали на верность любимой Отчизне (любой пафос уместен для характеристики их морального состояния). Страна вручила им мощное современное отечественное оружие, посадила на могучие свои самолёты и отправила в соседнюю страну по просьбе дружественного правительства для оказания ему помощи в борьбе с контрреволюцией. Названа эта акция была выполнением интернационального долга. И сами они назывались “воинами-интернационалистами”. Ничего унижительного, тем более презрительного, как это пытаются навязать обществу некоторые “задним умом крепкие” чиновники и политики, не было в их красивом имени.

Об этом следует говорить, потому что недобросовестные авторы, освещающие негативно присутствие советских войск в Афганистане, распространяют своё отрицательное отношение к политическому руководству СССР, принявшему, на их взгляд, ошибочное решение и на морально-политическое состояние рядового и офицерского состава Ограниченного контингента советских войск.

Знакомство с огромным массивом живых свидетельств, документов, писем, воспоминаний позволяет мне с полной уверенностью утверждать, что дух воина-интернационалиста в Афгане был здоровым, достойным и даже героическим. Его, этот дух, поддерживало ощущение за спиной великой державы, пославшей сюда солдата не корысти ради, а для оказания помощи. Советский солдат осознавал свою военно-профессиональную значимость (славное оружие в надёжных руках), особенно в сравнении с действиями афганской народной армии. Враг (“душман”) напоминал воину-интернационалисту басмача из своей революционной истории, и эта определённая придавала уверенности в продолжение дела отцов и дедов.

Есть у спецназовцев своё, неизвестно когда и кем рождённое, словечко “рэкс”. Оно обозначает то же, что у лётчиков “ас”, то есть человек, владеющий высшим классом проявления своей профессии. Кстати, “рэкс” и расшифровывается как “разведчик экстра класса”. И когда перечисляют таких настоящих “рэксов”, упоминают и Нафикова Хамита, хотя он ещё и не раскрыл все свои таланты – погиб в начале пути. Сразу после училища – в Афганистан. И сразу – классный разведчик. Его разведывательная группа специального назначения славилась изобретательностью, выносливостью, удачей.

И даже смерть свою разведчик Хамит Нафиков “сделал” легендой, как это и положено легендарным разведчикам.

Где-то у горы Маркох в провинции Нангархар его группа была вынуждена принять бой с превосходящим по численности противником в невыгодных условиях, прижатая к скале. Оставшись без своих солдат, без гранат и патронов, один против орды разъярённых душманов, которым было приказано взять его живым, он с ножом кидался на врагов, нанося им удары. Наконец озверевшие “духи”, вопреки командам, расстреляли его.

Расхождения в свидетельствах очевидцев есть, но есть и общее: смерть действительно была героической. После этого боя насчитали 52 убитых душмана за одного лейтенанта.

Откуда взялся такой “рэкс”? Родился он пятым ребёнком в дружной татарской семье в далёкой уральской деревне. Самый младший – самый любимый. Старшая сестра Фазилия вспоминает, что иногда дети спали на полу вместе: каждый хотел лежать рядом с младшеньким – таким притягательным, тёплым и солнечным он был. Она же вспоминает, что с детства он мечтал стать разведчиком. Когда ему было одиннадцать лет, а она уже была невестой, состоялся “хурал” сестёр и братьев. Дело в том, что за Фазилу сваталось несколько парней, и она затруднялась в выборе. Хамит решительно высказался в пользу будущего мужа: он самый надёжный, с ним можно идти в разведку.

Он сам себе выбирал путь.

Однажды вся семья всполошилась: исчез Хамит. Через некоторое время нашли его в Свердловске, в суворовском училище. Решил учиться на разведчика. И стал им, пройдя ещё и Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. Такой вот характер, такая судьба...

С какой стороны ни зайди, мнение, что “наши мальчики погибали зря”, вызывает не только протест, но и омерзение, как любое кощунство. Что значит “зря”? Бесплатно, что ли?

В армии, которая формируется не по найму (контракту), а по призыву в соответствии с Конституцией государства, в армии, служба в которой идеологически осмысливается как “священный долг гражданина”, в такой армии не приемлемы рыночные критерии: а сколько это стоит, а что я буду иметь? Советская армия относилась к внерыночному типу, и судить о ней в целом и о каждом воине того времени в отдельности необходимо с учётом её внутренних законов и уставов, пафоса её лозунгов, слов присяги, воспитательных героических примеров и верности традициям.

Сами воинские подразделения, втянутые в эту акцию, сами армейские коллективы показали свою жизнестойкость, умение адаптироваться к неблагоприятным условиям, практически на каждом шагу сталкиваясь с необходимостью действий, не предусмотренных уставами. Не было единого фронта. Но зато практически бесперебойно и планомерно осуществлялось тыловое обеспечение, материально-техническое снабжение войск. В этом тоже можно усматривать компенсацию за политическую ошибку. Да и трагический пример Порт-Артура, когда главным фактором поражения русской армии стала бездарная организация тылового обеспечения, послужил историческим уроком. Вся война состояла из многочисленных операций (крупных и мелких), которые должны были проводиться (по установке) с мастерством хирурга: уничтожать бандформирования внутри кишлаков с минимальными потерями для мирного населения. Кстати говоря, ни одна из намеченных операций не была проиграна, и военный авторитет советских войск не пострадал. В этих условиях возрастала роль каждого командира любого уровня, да и каждого рядового. Афганская война стала школой спецназа. Школой военного братства.

По многочисленным свидетельствам участников в частях Ограниченного контингента практически не наблюдалась такая болезнь армии, как дедовщина. Если где-то и возникали “вирусы” этой болезни, то они отторгались укрепившимся перед лицом опасности нравственным авторитетом.

19 ноября 1987 года, в пятилетнюю годовщину со дня смерти Александра Кононова, в поселок Вараксино близ Ижевска съехались его однополчане из Свердловской, Пермской, Челябинской областей, из Сыктывкара и Москвы. В квартиру, где живёт отец и мать Саши, входили молчаливой процессией. Вначале внесли человека без руки и обеих ног, который обратился к Борису Николаевичу и Таисии Михайловне: “Папа! Мама!”

Это был капитан Радчиков Валерий Григорьевич, бывший командир роты, в которой служил их сын санинструктором и которого Саша вынес истекающего кровью во время боя с минного поля, а потом подорвался сам.

Родители Саши уже знали о ротном Валерии Радчикове. Из устных рассказов о том, как он велел солдатам стоять, а сам пошел проверять, не заминирована ли тропа, и подорвался. Как он, искалеченный, кричал: “Не смей подходить ко мне!” и как Саша Кононов послушался на сей раз командира... Из газеты “Красная Звезда”, где был очерк о нем “Мужество”, о том, что Радчикову помогала осваивать протезы тот же врач, Анна Васильевна Бобылева, что ставила на ноги знаменитого Алексея Маресьева. От совершенно незнакомого и как бы “постороннего” человека – слушателя подготовительного отделения Киевского пединститута Николая Щербакова, который случайно услышал от самого Радчикова эту историю и прислал в Ижевский горком комсомола письмо с просьбой не оставлять без внимания Сашиных родителей. “Сашей должны гордиться. Саша должен жить в памяти людей!”.

Есть какие-то человеческие качества, которые не измеряются всеми привычными словесными мерками, что-то заставляет людей проникаться особой любовью к малознакомому, а то и вовсе не знакомому, даже случайно задетому краем сознания имени. Саша Кононов из этой породы.

Не случайно памятную встречу за столом у Кононовых Валерий Радчиков начал так: “Почему мы собрались здесь? Да потому, что Саша – это че-ло-век!”

И всю ночь шли разговоры, какой он был человек.

Через несколько лет, когда часть вышла из Афганистана, когда сменилось несколько призывов, от личного состава части пришло письмо с приглашением родителям Саши на открытие памятника.

А на том памятном сборе в квартире Кононовых уже под утро, сидя на расстеленном на кухне одеяле в кругу своих “афганцев”, ротный Радчиков, как бы подводя итог ночи воспоминаний, спросил: “Что же в нас главное?” И сам ответил: “Справедливость. Правильно?” И все с ним согласились.

Категорически и с негодованием они отвергают даже намёки на кощунственное обвинение о зря потерянных жизнях.

“Ничто на земле не проходит бесследно...” В октябре 2003 года в Афганистане снова побывал журналист В. Снегирёв, работавший корреспондентом “Комсомольской правды” в годы пребывания там советских войск. Удивительное свидетельство опубликовал он в трёх номерах “Российской газеты”. Прошло почти 15 лет после нашего ухода из Афганистана. Несчастный народ пережил ещё распри главарей моджахедов, средневековую инквизицию “Талибана”, американские бомбардировки, навязанный оккупационный режим – и вот после всего этого:

“Нас там любят!” в изумлении восклицает журналист, делая такой вывод после многочисленных встреч с афганцами. Перебирая в памяти факты своей новейшей истории, современные афганцы, свидетельствует журналист, считают лучшим своим правителем Наджибуллу, а из мировых лидеров предпочтение отдают Брежневу, при котором, хотя и были введены в их страну советские войска, но были и построены плотины, туннели, дороги, заводы. “Шурави” помогали, “янки” разрушали.

Вот какими “зигзагами” движется историческая логика. Попробуй предугадать, как наше слово или дело отзовется. И на какой алтарь легли жизни наших мальчиков.

Но вот что странно. Попробовали бы мы сейчас снова ввести свои войска в Афганистан – и афганцы снова встретили бы нас с оружием в руках. Такова логика истории – нельзя облагодетельствовать насильно!

* * *

“Со щитом или на щите”, – говорили в древности воины, уходя на битву. Была такая форма уверения, что обязательно вернись. “Со щитом” – значит живой. Или принесут меня на щите. Но изощрённая машина войны всё усовершенствовалась и усложнялась. Рвались снаряды, рвались тела. Закопали бы в чистом поле под ракетой, чтоб чёрный ворон глаз не выклевал – и то упокоение родственникам.

Афганская война стала, пожалуй, первой в истории России баталией, откуда тела погибших доставлялись для захоронения ближайшим родственникам. Были, правда, случаи, когда привозили тела из Кореи, Вьетнама, Мозамбика, Конго, где наших солдат и офицеров официально “не было”. Как правило, цинковый гроб приходил с “легендой” о несчастном случае, и не каждый город, не говоря о селе, знал про это. По инерции “чёрные тюльпаны” из Афганистана вначале тоже сопровождалась секретностью. И первые жертвы этой войны уходили от нас как будто украдкой. Где-то в дальнем уголке кладбища. Без больших процессий, речей и прессы. И только когда на кладбищах стали появляться целые “афганские” аллеи, когда слухи об официально “отсутствующих” наших потерях стали “секретом Полишинеля”, постепенно стала меняться страусиная политика замалчивания жертв.

Государственные похороны... Как правило, они ассоциируются у нас с проводом известных деятелей, чинов, звёзд. Рядовые всё больше проходили по разряду братских могил – так приучила нас наша история. И вот теперь афганская эпопея заставила выработать целую систему мер организации государственных похорон каждого погибшего на войне.

С одной стороны, мы как бы поднялись на ступеньку выше по пути цивилизации и гуманизма. Но, с другой стороны, общеизвестна неповоротливость нашей бюрократии. А в таком деликатном деле необходим тонкий душевный механизм взаимоотношений власти, военкоматов, места работы или учёбы погибшего, его семьи. Как эту деликатность соединить с нехваткой средств на все атрибуты и процедуры? Где найти таких “гибких” чиновников, которые были бы способны совместить чувство с параграфом инструкции? Вот и получалось: где-то неутешное горе матери смягчалось от деликатного обхождения, а где-то подливалось масло в огонь чиновничьим выговором: “Вы же говорили, что прибудет на панихиду человек тридцать, а их тут – за сто!” Это, конечно, крайний пример нравственной глухоты, когда даже во время траура наносится ненароком обида. А сколько обид начинается после траура! Сколько их приходилось читать в материнских письмах! Про забытые обещания поставить памятник на могиле. Про бесконечную переписку по поводу затерявшейся награды. Про разные версии обстоятельств гибели. Даже при захоронении под чужим именем (не могло обмануться материнское предчувствие: не её сын был в цинковом гробу, который нельзя было вскрывать).

О, матери погибших “афганцев”! Эту тему никак не обойдёшь, рисуя портрет поколения “последних из СССР”. Можно даже признаться, что именно материнские письма, – а они-то и были основными источниками изучения и “воскрешения” павших – подтолкнули к мысли о необходимости сохранения памяти не только каждого отдельного имени, но и всего поколения как уникального социально-психологического явления, рождённого и выросшего в относительно спокойный, благополучный период истории нашей страны и воспитанного в духе служения высоким идеалам.

По многим причинам нельзя было вскрывать цинковые гробы, приходившие из Афгана. Это обстоятельство для многих матерей было особенно непереносимым. Как же так?! Ведь вот он, рядом, а я не могу припасть к его телу, обцеловать родное лицо... И первое подозрение: а вдруг ошибка? Подозрение перерастает в спасительную уверенность: здесь не мой сын! А мой жив: он где-то, может быть, в плену...

С этой мыслью уже много лет живет Зинаида Игнатьевна Бевз. Уже и мужа Анатолия Петровича похоронила рядом с сыном, уже младший Юрий, давно взрослый, вместе с невесткой Маргаритой внучат ей подарили, а она не может примириться с мыслью, что Игоря нет.

“Судите сами, – говорит. – Всего двадцать дней оставалось до конца службы. Вот какое письмо прислал: “Здравствуйте, дорогие мои папа, маманя и братик Юра. Надеюсь, в этом году будем встречать Новый год за семейным столом. Нас сразу не отпустят, пока замену не пришлют, но вы сильно не переживайте за меня. Я очень занятый. У меня за спиной целый взвод, и я за них отвечаю. Так что, мои дорогие, не волнуйтесь, до скорой встречи. Ваш сын и брат Игорь”.

Как мы ждали, как готовились к встрече!

И вот 7 сентября муж приходит с работы, а следом за ним пришла машина командира. Я набросилась на мужа: опять что-то натворил? Если что с самолетами – волос на голове не хватит расплатиться. А они все молчат. Дол-

го мужа не было. И вот ведь не было у меня предчувствия. Думала, что-то на работе у мужа. А потом, к вечеру, приезжают снова все. Я ничего не помню, кроме одного звука: “Зинуля, держись, Игоря нет”.

Меня держали мужчины, а я вырывалась, уходила из их рук. Даже не верится, что я такая сильная, откуда сила бралась. И вот не верю, до сих пор не верю. Ведь я облетала все: “Аргументы и факты”, и санаторий “Русь”, и госпиталь в Ташкенте. Все записи есть, и мертвых и живых. А Игоря нет. Ни среди живых, ни среди мертвых.

И сны снятся такие, что подтверждают мои догадки, будто бы муж лежит под деревом, а рядом с ним еще какой-то мужчина с мальчишкой бурькается. Я набросилась на мужа: набрал каких-то, что ты с ними делаешь? А он мне: “Ша-ша! Не кричи. Это тот Андрей, которого мы похоронили. Это не Игорь. Игоря нету со мной”. Вот тут и делайте вывод, как мне, матери, быть.

А то еще Игорешка приснился. Пришла будто на кладбище, а памятник лежит лицом вниз. Я стала рыдать и приговаривать. А Игоря не вижу. Слышу только за спиной голос: “Мама, не плачьте, меня здесь нету”.

Все, что у меня на душе все годы, — все вам рассказала”.

Родили и воспитали это поколение матери, в детстве хлебнувшие все “прелести” военного и послевоенного времени середины XX века. Уходит время, и меняются на земле люди, вещи, травы и деревья, слова, мысли и песни, названия, конституции и привычки. Уже иному современнику, утром нажимающему кнопку с пьезоэлементом, трудно представить, что рядом с ним живёт (ещё живой!) человек, который в детстве добывал огонь с помощью кресала. Нет, он не ровесник неолита. Просто он выходец из той военной бытовой нищеты, когда даже спички считались роскошью.

Когда у молодых Ивана Дмитриевича и Раисы Павловны Бакулиных родился первенец Миша, им выделили комнату в студенческом общежитии. Памятная 309-я на ул. Никитина, 4. В тесноте, да не в обиде; наоборот — в радости! Там и началась короткая Мишина биография. А через год молодые специалисты получили двухкомнатную квартиру. Сейчас такие квартиры с проходными комнатами и совмещенными санузлами называют “хрущевками”. Тогда такого названия еще не было — было радостно ожидаемое благоустроенное городское жилище “со всеми удобствами” на улице Кулагина, где вырослел, умнел, развивался с помощью родителей и детского сада № 25 и школы № 34, в которую поступил сразу во второй класс, и с помощью спортивных секций, особенно ДОСААФ, где он прыгал с парашютом, и радиотехнического колледжа и, наконец, Томского государственного университета, где он собирался стать физиком и откуда его призвали в армию.

Такая типичная советская биография. Где бы ни проклюнулся росток жизни, о нем заботились, “взрыхляли почву”, “удобряли”, “поливали”, чтобы рос нормально. Может быть, не роскошно, по минимальной норме, но в норме. Невысокая зарплата родителей позволяла (в притирочку) кормить двух сыновей (позже родился брат Дима), одевать их, учить, покупать книги и игрушки, а позже, когда Миша повзрослел, — и мотоцикл ему, и даже “Запорожец”.

И уходил в армию Михаил с чистым взглядом и спокойным сердцем: дело мужское, государственное, священный долг. Так он был воспитан не только школой и комсомолом — в памяти и в сердце жила военная эпопея деда, прошедшего через всю Отечественную до Берлина, а затем повоювавшего еще и с японцами.

*Только Бог пожалел, видно, деда,
Сделал так, чтобы дед не узнал,
Что похищена нынче Победа,
За которую кровь проливал...*

— пишет Раиса Павловна в своих стихотворениях-плачах. Плачет и не может выплакать боль утраты. “Муж после гибели сына стал очень болен (психически), и я всячески старалась оберечь его от событий, напоминающих наше горе, — продолжает рассказывать мать Михаила. — Памятник (надгробие) делали сами с мужем, никто не помог — ни власти, ни комсомол, ни “афганцы”, ни военкомат. Даже в письменном виде попросили написать, что я обещаю заплатить за разницу в стоимости памятника, какой мы хотим и какой ему положен как рядовому”.

Можно было бы уберечь материнское сердце от таких дополнительных стрессов. Так и хочется спросить у чванливых чиновников: “Да где ж вы душу потеряли?..”.

Да, глубоко запала обида, нанесенная однажды матери нравственной глухотой какого-то чинуши. И бессмысленно разубеждать, что не везде и не всегда так мрачно и глухо — рана-то нанесена!

Чтобы подчеркнуть значение именно матерей в воспитании (хотя их первенство в этом и не нуждается в подтверждении), все-таки объективности ради надо подчеркнуть роль отцов. В огромном перелопаченном массиве документов, воспоминаний, писем очень мало свидетельств отцовского мужского влияния на становление характера и личности. Гораздо чаще встречается гордость дедовскими военными наградами. Прочная связь отцов и сыновей наблюдается в офицерских семьях, где продолжают или создаются военные династии. Очень много среди погибших молодых лейтенантов — детей кадровых военных.

Но основное содержание писем домой — мама, ее здоровье, ее настроение, ее работа; его тоска, его забота, его любовь. Так и хочется назвать их всех, “афганцев”, “мамиными” сынами. Мешает только устоявшееся выражение с известным негативным оттенком (маменькины), хотя в данном случае оно никак не относится к этим мужественным и самостоятельным ребятам. Кстати говоря, стремление к самостоятельности, пожалуй, доминирующая черта поколения этих “маминых сынов”. Это не значит, что они были под каким-то гнетом и поэтому мечтали о самостоятельности. Нет, в основном у каждого проглядывал вполне закономерный интерес юношеского возраста испытать себя на прочность, узнать, чего я стою. Отсюда повсеместная радость, что взяли в десантные войска, в спецназ — ведь туда отбор придирчивый. И летят оттуда в письмах восторженные мальчишечьи выкрики: “Мама, когда парашют раскрылся, я от радости закричал на все небо: “Мама!”. “Мама, свой первый прыжок я посвятил тебе” и т. д.

Что ещё хочется сказать? Перебирая в руках эти листочки-памятки исчезнувшей Атлантиды, невольно настраиваясь от нежных строчек на лирическую волну, ощущаешь огромный энергетический заряд человечности этого поколения “последних из СССР”, отсутствие комплексов позднее придуманной так называемой “совковости” или солдафонства! Ни зазнайства, высокомерия или черствости. Сама искренность! Чистота сердечных движений этих парней особенно становится заметной на фоне современного стиля поведения молодежи с его эстетизацией “крутизны”, саморекламы, культом секса, философией прагматизма, ведущего к размытости граней многовековых нравственных табу. Удивительное дело: то “афганское” поколение, воспитанное в советском атеистическом духе без церквей, мечетей, синагог, выглядит более религиозным, чем нынешнее, демонстрирующее свою религиозную приверженность. В каждой молодой душе, оставившей след в письмах, песнях, документах и фотографиях, твердо и уверенно заявляет о себе ясная идейно-нравственная человеческая суть: мое существование имеет смысл для общего существования семьи, села, города, страны, человечества... отсюда надо быть полезным не только себе, но и другим. Отсюда стремление к совершенствованию, улучшению себя, чтобы быть достойным лучшего общества. Такая общая установка (независимо от ее названия — коммунизм, светлое будущее или “рай на земле”) закладывалась в том поколении пионерией, комсомолом, школой, семьей, литературой и искусством. Такая установка продолжалась и в армии.

Одна молодая современная журналистка в очерке о погибших в Афганистане земляках выразилась, что “они были слишком скромными”. На это возразила мать одного из них: “Скромность не может быть ни большой, ни малой. Ее не может быть “слишком”. Либо она есть, либо ее нет”. Тема подобной мини-дискуссии не раз встречалась в этих скорбных материалах. Она отражает тенденцию изменения той нравственно-психологической установки в молодежной среде. Скромность: благо или порок?

“Скромный до застенчивости” — так записали учителя в характеристике Андрея Пешкова из Подмосковья наряду с другими положительным качествами: спокойный, трудолюбивый, аккуратный, правдивый и т. д. Однако оттенок “до застенчивости” придает “скромности” вроде бы какую-то ущербность. Между прочим, этот оттенок мелькает в некоторых воспоминаниях, как бы

подтверждая учительскую пронизательность в характере Андрея: ах, если бы не был он настолько скромнен, если бы похвастался своим званием кандидата в мастера по велосипеду, то прошел бы по конкурсу в МАИ.

Необходимо твердо встать на защиту Скромности (с большой буквы), которая придавала Андрею силу, а не слабость, и у него не было мотивов бороться со своей скромностью. В русском народе, как и в других православных народах, генетически выросло представление о скромности как об украшающей человека черте: не хвались, пусть другие о тебе скажут; не лезь вперед батьки; не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь и т. д. Разрушает это представление, придает скромности оттенок ущербности, культивируемый Западом саморекламный тип личности (“крутой”) – абсолютная противоположность скромности.

Появился Андрей Пешков вторым ребенком в семье, где молодые родители работали на заводе и заочно учились в институте, жили в коммунальной квартире. Потом семья получила малогабаритную двухкомнатную “хрущевку”. Сколько же ядовитых строк современные “крутые” выпустили по адресу бедных коммуналок – “хрущевок”! А в них рождались дети по любви. В них протекала скромная, но счастливая жизнь.

Дошкольник Андрейка преспокойно устроил свою коробку с оловянными и пластмассовыми солдатиками под столом у школьника Романа – и оба не страдали от недостатка жилплощади. Андрейка даже устроил праздник для всей семьи, вылепив из пластилина Красную площадь, и своих солдатиков проводил парадом по ней.

Семья выписывала для детей серию “Подвиг”, журналы “Вокруг света”, “Наука и жизнь”, “Знание – сила”, “Юный натуралист”, “Техника молодежи”, “Квант”, “Здоровье”, “Семья и школа”. По свидетельству мамы Елены Андреевны, Андрейка все это читал и перечитывал. На дни рождения дарили друг другу пластинки с голосом Робертино Лоретти, “Полонез Огинского” и другие. Первое золото в семье появилось, когда Андрей приехал в отпуск, уже из Афганистана, и привез маме подарок – золотую цепочку, купленную на свои первые “старшинские” деньги. И никто из семьи не страдал из-за отсутствия золота, из-за того, что любимого Штирлица или “Неуловимых мстителей” смотрели не по цветному, а по черно-белому телевизору.

Погиб старшина десантной роты Андрей Пешков 4 апреля 1987 года “при выполнении боевого задания...”, как скудно, сухо было сообщено его родителям. И лишь медаль “За отвагу” – высшая солдатская медаль знает, как он погиб.

Скромно жил – скромно и умер? Но ведь, по большому счету, скромность – обязательное условие коллективистского общежития. Нескромность, как правило, сопряжена с эгоизмом. Противники коллективистских форм сознания и образа жизни вменяют в вину скромности, что она-де затушевывает индивидуальность, мешает раскрываться заложенным в личности качествам. Моё знакомство с целым поколением “скромняг” позволяет резко возразить такому утверждению.

Вот и наши “атланты”. Кого ни возьми, у каждого “лица необщее выражение”. Один – веселый балагур, умеющий придать неловкой ситуации облегчающее положение, другой – тихоня, молчун, но в нужный момент именно его слово становится самым нужным, третий – “запойный” книголюб, четвертый – музыкант, пятый – тонкий лирик, любитель природы, шестой – “в карман за словом не лезет”, седьмой – расчетливый педант, восьмой – наоборот, сначала сделает, потом подумает... Не без того, что и “шлифуется” потом коллективом: один заносчив, другой – с хитрецей себе на уме, третий – падок на лесть, четвертый – ленив, пятый – неуклюж и т. д. Нормальный человеческий “материал”, как везде. Но что получается, если этот “материал” не держать в коллективистских рамках, наглядно показывает пример российского “разлома” конца XX века.

Озарен красотой застывший строй “атлантов”. Устраивая ему поверку, переходя от имени к имени, от лица к лицу, от души к душе, я со стиснутым сердцем словно прикасаюсь к реликвиям, которые могли бы жить среди нас. Да они и живут, безмолвно вглядываясь в нас, узнавая в нас своих родных и не узнавая.

Они живы! Будем помнить это.